

Профессор кафедры истории РГПУ им.А.И.Герцена, д.и.н. Кондаков Ю.Е.

«Запрет» масонских лож Николаем I (на материалах Главного управления почт).

Теория всемирного масонского заговора была популярна в России начала XIX века. Об этом писал апологет С.И.Смирнов, и архимандрит Фотий (Спасский) сообщал Александру I в своих посланиях. Масонов обвиняли во вмешательстве в политику, экономику, социальную сферу, религию, желанием ниспровергнуть алтари и престолы. Насколько подобным обвинениям верила высшая российская власть? Четыре российских императора - Екатерина II, Павел I, Александр I и Николай I - запрещали деятельность масонских лож в России. При этом лишь указ 1 августа 1822 года был официально опубликован. Екатерина II и Павел I объявляли свои запреты, так сказать, «в частном порядке», доводя до сведения руководителей масонов о своей воле. Подробнее узнать об отношении высшей российской власти к масонским ложам помогут материалы дела о «запрете» лож Николаем I. Эти документы сохранились в фондах Главного управления почт (РГИА. Ф. 1289).

Ключевым в этом отношении является дело «О масонских ложах и тайных обществах» (Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358). Поводом к его возбуждению послужил рескрипт Николая I министру внутренних дел 21 апреля 1826 года.¹ Этот документ часто неверно расценивается в литературе, как очередной указ о запрете масонских лож и тайных обществ.² Как следует из текста, это не было новым запретом, император не нашел нужным повторять уже изданный его братом Александром I указ. Рескрипт Николая I давал шанс масонам и членам тайных обществ, не сознавшим во время подписки 1822 года, освободиться от ответственности, предоставив правительству правдивые сведения о своей деятельности.

В рескрипте Николай I сообщал, что во время следствия над декабристами выяснилось, что ни один из членов тайных обществ не сообщил о них во время подписки, проводившейся согласно указу 1 августа 1822 года. Царь находил, что многие члены декабристских организаций были вовлечены туда обманом, при вступлении не приносили присяги, а также вскоре оставили тайные общества. По мнению Николая I, такие доводы хотя и существенно смягчали вину, но не освобождали от ответственности лица, позволившие себе обмануть императора (дав неверную подписку). В своем рескрипте Николай I объявлял амнистию для лиц, не показавших свое членство в масонских ложах и тайных обществах во время подписки 1822 года, при условии, что они дадут полные сведения о своей тайной деятельности. Министру внутренних дел предписывалось: «Истребовать по всему Государству вновь обязательства от всех находящихся в службе и отставных чиновников и не служащих дворян в том, что они ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием не существовали, впредь принадлежать не будут, и если кто прежде к какому-либо из них, когда бы то ни было, принадлежал, то с подробным объяснением в обязательстве его: под каким названием оно существовало, какая была цель его, и какие меры предполагалось было употребить для достижения той цели?». Кроме того, каждый, имевший любые сведения о тайных обществах, был обязан сообщить их в подписке. Скрытие любой информации по этому

поводу грозило «строжайшим наказанием, как Государственным преступникам».³ На этот раз подписка охватывала не только чиновников и военных, но и не служащих дворян.

Следствием рескрипта стало составление новой подписки: «Я, нижеподписавшийся, чистосердечно и со всей откровенностью объявляю Почтовому департаменту, что в продолжение всей моей жизни ни к какому тайному обществу не принадлежал и оных ни токмо никогда не посещал, но никакого ни об одном тайном обществе сведений не имею... и принадлежать не буду».⁴ Из приписки к «Форме» следовало, что те, кто к тайным обществам никогда не принадлежал, должны были просто поставить под текстом свою подпись. С остальных требовался подробный отчет.

В пояснительной записке государственный секретарь А.Н.Оленин указывал, что от лица, имеющего информацию о тайном обществе, требовалось сообщить: 1) в какое общество был принят; 2) в какой форме обещал хранить тайну - клятвой или честным словом; 3) если не был формально принят, то: а) не посещал ли? б) не знал ли чего? в) не имел ли разговоров с соучастниками?

Первым в Почтовом департаменте подписку дал его управляющий князь А.Н.Голицын. Он сообщал, что к тайным обществам не принадлежал, не посещал, никакого о них сведения не имел.⁵ Сведений о масонских ложах, в которые входил Голицын, пока не обнаружено, однако тайные общества он посещал. Правда, они носили не политический, а религиозный характер. По сведениям А.И.Серкова, Голицын входил в общество Т.Лешица-Грабянки «Нового Израиля» («Авиньонское общество»), работавшее в С.-Петербурге в 1805-1807 годах. Состоял Голицын и в секте К.Ф.Татариновой, собиравшейся в Михайловском дворце в 1817-1822 годах. Голицын входил в общество пастора И.Е.Госснера, официально осужденного и высланного из России в 1824 году. Кроме того, особое общество многие годы существовало и в окружении Голицына. Центром этого круга был Р.А.Кошелев. В бытность на посту министра духовных дел и народного просвещения и президента Библейского общества Голицын сотрудничал с руководителями масонских лож. Сохранилась его переписка с великим мастером лож «Умиравший сфинкс» и «Вифлием», членом Ордена розенкрейцеров А.Ф.Лабзиным. В своих письмах Голицын демонстрировал осведомленность о масонской деятельности Лабзина, указывая, что его самого могут посчитать членом ложи «Умиравшего сфинкса».⁶ Однако Голицын не стал указывать в подписке известные ему сведения о масонских ложах и тайных обществах.

Вслед за своим начальником особой откровенности не проявили и другие чиновники Главного управления почт. Первый список масонов был составлен на основании подписок чиновников С.-Петербургского почтамта. Из 199 человек, включая преподавателей почтовых училищ и отдельных почтовых контор, в масонстве призналось всего восемь: 1) цензор, статский советник Ф.Вейраух состоял в ложе в С.-Петербурге, название забыл, и в ложе в Риге «К мечу»; 2) экспедитор Петр Рубец, С.-Петербург, «Трех светил»; 3) эконоом 8 класса Христофер Шотт, С.-Петербург, «Александра Коронованного Пеликана»; 4) титулярный советник Е.Малов, С.-Петербург, «Трех светил»; 5) рижский губернский почтмейстер, коллежский советник А.Смитен, Митава, «Трех коронованных мечей»; 6) управляющий курляндской почтовой конторой, коллежский советник К.Баранов, военная масонская ложа под управлением Пестеля; 7) нарвский почтмейстер А.Унгер, С.-Петербург, «Александра Коронованного Пеликана»;

8) волынский почтмейстер, коллежский секретарь К.Берен, С.-Петербург, «Петра к истине».⁷

К списку масонов прилагались показания К.Баранова и палангенского почтмейстера Г. фон Францена. Баранов сообщал, что всего один раз посещал ложу Пестеля и, разочаровавшись, сразу же отошёл от работ. Никаких отношений с ложей он не поддерживал и поэтому посчитал не обязательным упоминать о ней в подписке 1822 года. Францен сообщал, что с 1818 по 1823 годы состоял в ложе «Мемфис». Никаких сведений о том, что записки Баранова и Францена вызвали какую-либо реакцию властей, в деле нет.

После сбора подписок со всех служащих различных почтовых отделений России был составлен новый список чиновников, входивших в ложи, включая чиновников, уже указанных в списке С.-Петербургского почтамта (№ 2-9): 1) коллежский советник К.Шибель, «Дубовая роща»; 10) титулярный советник Ф.Франк, «Благотворительный пеликан»; 11) титулярный советник Ю. фон Францен, «Мемфис»; 12) московский почтамт, статский советник Ф.Пфелер, «Александра к тройственной благотворительности»; 13) коллежский советник Ф.Блюмне, «Александра к тройственной благотворительности»; 14) надворный советник Н.Распопов, «Георгиевская»; 15) Малороссийский почтамт, статский советник И.Мельников, «Елизавета к добродетели»; 16) Литовский почтамт, надворный советник А.Трефурт, «Золотого постоянства» и «Добрый пастырь»; 17) титулярный советник Ф.Розен, «Добрый пастырь»; 18) надворный советник А.Сейферт, «Добрый пастырь»; 19) титулярный советник Ф.Смит, «Военного Ордена Св.Георгия»; 20) титулярный советник Л.Рябиков, «Добрый пастырь» 21) титулярный советник Г.Лобанов-Быковский, «Избранного Михаила»; 22) Тамбовский почтамт, коллежский советник В.Кроне, «Елизавета к добродетели»; 23) коллежский советник И.Лазарев, «Ключ к добродетели»; 24) Казанский почтамт, князь М.Давыдов, «Елизавета к добродетели»; 25) Сибирский почтамт, губернский секретарь В.Козерогов, «Российский орел».

В том же списке находились чиновники, пожелавшие сообщить какие-либо сведения о ложах и тайных обществах: 26) С.-Петербургский почтамт, титулярный советник Е.Флоридов слышал о ложе в Ямбурге; 27) Московский почтамт, коллежский советник И.Бабаев был приглашен в «Союз благоденствия»; 28) коллежский асессор И.Лихонин в ложах не состоял, но посещал; 29) Тамбовская почтамт, титулярный советник И.Денисов был введен в ложу, названия не помнит; 30) Сибирский почтамт, статский советник И.Миллер был приглашен в ложу.

Всего в «Списке почтовых чиновников, входивших в ложи» значилось тридцать человек. При этом не все из них были масонами. Трое сообщили, что в ложах не состояли, но получали приглашение вступить (Е.Флоридов, И.Бабаев, И.Миллер). Один (И.Лихонин) сообщил, что посещал ложи, но официально не вступал. Таким образом, во всем Главном управлении почт в 1826 году насчитывалось всего 26 масонов. Это притом, что почта была одним из приоритетных направлений деятельности масонов. Они старались внедрить своих членов в почтовое ведомство, чтобы через них обеспечить секретность своей переписки и почтовых пересылок. В почтовом ведомстве в разное время служили розенкрейцеры Ф.П.Ключарев, А.Ф.Лабзин, Д.П.Рунич. При этом чиновники, указавшие в подписке свое масонство, дали далеко не полные данные о своей деятельности.

Сведения о масонах Почтового департамента можно получить из «Энциклопедического словаря. Русское масонство» А.И.Серкова. О шести масонах - чиновниках Почтового департамента сведения в «Словаре» Серкова отсутствуют. Это К.Баранов (заявил, что входил в военную ложу под управлением Пестеля), А.Сейферт («Добрый пастырь»), Ф.Смит («Военного Ордена Св.Георгия»), Г.Лобанов-Быковский («Избранного Михаила»), В.Кроне («Елизавета к добродетели»), И.Денисов (не назвавший ложу).

Среди остальных масонов девять человек были посвящены в одну из трех традиционных степеней (ученик, подмастерье, мастер). Они не долго посещали одну из лож и сообщили ее название. Ф.Блюмне (Ф.И.Блюмнер), штаб-хирург при лазарете московского почтамта, входил в ложу «Александра к тройственной благотворительности» с 1818 года, дошел до степени мастера. Х.К.Шот (1790-1831), эконоом петербургского почтамта, входил в ложу «Александра Коронованного Пеликана» (Пеликан), посвящен в 1820 году, дошел до степени мастера. Е.И.Малов (Моллов), титулярный советник, лютеранин, входил в ложу «Трех светил» с 1817 года, в 1818 году - мастер и секретарь ложи, в 1820 году перестал платить взносы (один раз в 1817 году посещал ложу «Елизавета к добродетели»). А.Смитен (А.И.Смиттен), рижский почтмейстер, входил в ложу «Трех коронованных мечей» (Митава) в 1818-1821 годах, имел ученическую степень. А.Унгер, нарвский почтмейстер, входил в ложу «Александра Коронованного Пеликана» (С.-Петербург) с 1811 года и имел степень мастера. К.Берен (К.Беренс), волынский почтмейстер, входил в ложу «Петра к истине» (С.-Петербург), степень неизвестна. М.Давыдов, казанский почтмейстер, входил в ложу «Елизавета к добродетели», посвящен в 1812 году, получил степень мастера, после 1814 года отсутствовал в ложе. В.И.Козерогов, сибирский почтмейстер, входил в ложу «Российский орел», посвящен в марте 1821 года (трижды посещал ложу «Елизавета к добродетели»). И.А.Лихонин в «ложах не состоял», но посещал «Ищущих манны» (Москва) и в 1821 указан членом ложи в мастерской степени среди посещавших ложу «Орфея» в 1821 году.

Двое из вышеперечисленных - Е.И.Малов и В.И.Козерогов - скрыли в подписке то, что они посещали ложу «Елизавета к добродетели» и, естественно, знали о ее существовании. И.А.Лихонин не стал сообщать, что принадлежал к ложе «Ищущих манны». Никаких санкций к этим лицам применено не было. Лихонин в 1827 году был переведен в Москву и в 1842-1854 годах состоял цензором при Московском почтамте.

«Энциклопедический словарь» показывает, что ряд чиновников Почтового департамента занимали высокое положение в масонской иерархии. К сожалению, далеко не всегда их «масонскую карьеру» возможно проследить.

Ф.И.Пфеллер (1760-е - 1840-е), доктор медицины, в 1803-1806 годах служил при лазарете московского почтамта, почетный член Московского университета. Указал в своей подписке лишь ложу «Александра к тройственной благотворительности», наместным мастером которой в 1818-1820 годах он являлся. Кроме того, Пфеллер входил в Директориальную ложу «Астрея», «Капитул благотворительных рыцарей» и ложу «Горы Фавор» (был вторым надзирателем), находящуюся под управлением Капитула. В 1820 году он стал почетным членом ложи «Золотого кольца» (Белосток).⁸

П.И.Рубец (1778-1833), экспедитор петербургского почтамта, дослужившийся до чина статского советника, член Английского собрания. В подписке указал, что входил в ложу «Трех светил» (С.-Петербург). Действительно, Рубец состоял в этой ложе с 1809 года и

был ее членом-основателем (8 степень), в 1817-1820 годах занимал должность наместного мастера ложи. Кроме того, в 1814 году Рубец был витией в ложе «Сфинкса», в 1815 году вступил в ложу «Елизавета к добродетели», посещал шотландскую ложу «Александра золотого льва», с 1815 году был ритором «Великой директориальной ложи», а в 1818-1819 годах - великим ритором. Наконец, в 1817 году он был возведен в седьмую степень в Капитуле «Феникс», в 1817-1819 годах исполнял в нем обязанности казначея, имел орденское имя «рыцарь золотой короны».⁹

И.А.Мельников (1772-1850), почт-директор малороссийского почтамта, сообщил, что состоял в ложе «Елизавета к добродетели». Действительно, он был посвящен в этой ложе в 1810 году, в 1813 году он получил шестую степень и стал вторым надзирателем, в 1813-1815 годах исполнял должность первого наместного мастера, нерегулярно посещал собрания, но в 1818-1820 годах снова оказался в списках ложи. Кроме того, в 1810 году Мельников был членом ложи «Пеликан», в 1814 году - первым надзирателем в ложе «Сфинкс», членом-основателем шотландской ложи «Александра золотого льва» и герольдом Капитула «Феникса» с именем «Рыцарь Св.Креста» (1817-1818 годы).¹⁰

И.Лазарев (И.Ф.Лазоревич), сибирский почтмейстер, указал, что входил в ложу «Ключ к добродетели» (Симбирск). Он действительно состоял в этой ложе в 1818-1821 годах и был ее членом-основателем (для этого должен был иметь степень мастера), в 1818-1819 годах исполнял обязанности казначея. Следовательно, Лазарев масонское обучение прошел в другой не указанной им ложе.¹¹

Трех следующих чиновников объединяло участие в ложе «Добрый пастырь» (Вильно), которую они и указали в подписке. Ложа была основана в 1817 году и входила в союз «Великого востока Польши». Все трое в разное время были директорами почт Литвы. А.Ф.Трефурт (1786-1855) был единственным, указавшим название двух лож, в которые входил, - «Золотого постояства» и «Добрый пастырь». В последней ложе он был членом-основателем и имел пятую степень. Кроме того, в 1818-1821 годах он был почетным членом ложи «Усердного литвина» (Вильно).¹² Ф.Ф.Розен, также указавший ложу «Добрый пастырь» (в 1821 году - директор почт Вильно), был в 1817-1818 годах казначеем ложи, в 1819-1821 годах - наместным мастером и имел четвертую степень. Кроме того, в 1818 году в ложе «Совершенного единства» он исполнял обязанности секретаря для иностранной корреспонденции. Был почетным членом лож «Славянского орла», «Приятель» (Гродно), «Усердного литвина» (4-я степень), «Счастливого освобождения» (Несвиж) 1820 год, «Школа Сократа» 1821 год (5-я степень).¹³ Третьим членом «Доброго пастыря» был Л.И.Рябиков. В 1818 году он получил вторую и третью степени, а в 1819 году вышел из ложи, как основатель «Славянского орла». В этой ложе в 1819-1821 годах он был наместным мастером с пятой степенью. Кроме того, он был почетным членом лож «Совершенного единства», «Школа Сократа», «Увенчанной добродетели» (Рафаловка), «Северный щит» (Варшава).¹⁴

В списке чиновников Почтового департамента находится семь человек, занимавших далеко нерядовые посты в Ордене франк-масонов. Это были масоны высокого посвящения, входившие в Директориальные ложи и Капитулы и открывавшие новые ложи. Они были членами разных масонских структур, работавших по шведской системе. Их деятельность осталось скрытой от правительства и не отраженной в подписках. Это были чиновники, занимавшие ключевые посты в Почтовом департаменте, практически

все директора отделений в различных городах и губерниях. Строгое хранение масонской тайны не отразилось на их карьере.

Лишь двое из масонов почтового ведомства решились в своих подписках сказать что-либо в защиту Ордена. В отдельной записке титулярный советник Г. фон Францен сообщал, что с 1818 по 1823 годы состоял в ложе «Мемфис». Целью работ в ложе он указывал честность, преданность монарху, помощь нуждающимся.¹⁵ Сразу несколько дополнительных записок подал директор почт Малороссии И.А.Мельников (июль-сентябрь 1826 года). Видимо, он боялся ответственности за то, что утаил сведения о ложах в подписке 1822 года. В «дополнительном объяснении» Мельников рассказывал о том, что в то время, с позволения правительства, существовали еще два или три общества подобных тому, в которое он входил. Названий он не помнил, но в некоторых бывал, без клятв и обещаний, участвовал в общих и частных собраниях. Целью лож Мельников указывал благотворительность и усовершенствование нравственности.¹⁶ Мельников не был случайным человеком в масонстве, он имел шестую степень, возглавлял и основывал ложи, входил в Капитул «Феникса». При этом, в подписке он отделался общими фразами, сославшись на забывчивость. Любопытно, что «плохая память» не повлияла на карьеру Мельникова: в 1833 году он стал членом совета при управляющем Почтовым департаментом, получил чин тайного советника.

Необходимо отметить, что масонское движение в России никогда не было единым. В нем постоянно шла борьба за лидерство между различными руководителями и системами. С 1782 года одной из самых влиятельных масонских систем в России стал Орден злато-розового креста, управлявшийся из Берлина. В Орден принимались масоны только выше четвертой степени посвящения (шотландские мастера). Среди основных занятий адептов была теургия и алхимия. Орден ставил перед собой и политические задачи. Попытка розенкрейцеров взять под контроль наследника престола Павла Петровича стала причиной ареста руководителей Ордена в 1796 году по приказу Екатерины II. Через князя А.Н.Голицына розенкрейцеры пытались влиять на политику Александра I. Видимо, из того же источника черпал сведения об Ордене и Николай I. Розенкрейцеры стремились вовлечь в свой Орден как можно больше управляющих масонскими ложами. Значительных успехов в этом направлении они добились при руководителях российского отделения Ордена И.Г.Шварце в 80-х годах XVIII века и И.А.Поздееве в 20-х годах XIX века. Орден розенкрейцеров был единственной системой масонства, непрерывно продолжавшей свои работы в России до XX века.

Среди подписок чиновников Главного управления почт нет ни одной, сообщавшей о членстве в Ордене розенкрейцеров. Между тем, в этом ведомстве розенкрейцеры служили. И это является, возможно, главной загадкой николаевского «запрета» масонских лож. Дело в том, что розенкрейцеры были сосредоточены в Особой канцелярии Главного управления почт. Иначе ее называли «Особой канцелярией при Голицыне». После расформирования Министерства духовных дел и народного просвещения и приостановки работ Российского библейского общества в 1824 году А.Н.Голицын сохранил должность главноначальствующего над Главным управлением почт (Почтовый департамент). В Особой канцелярии этого ведомства он собрал своих единомышленников. Туда были переведены В.М.Попов, А.И.Ковальков, П.Д.Маркелов, Ф.И.Прянишников. Двое последних были членами ложи «Умиряющего сфинкса». Еще двое членов этой ложи, В.Н.Жадовский и Ю.Н.Бартенев, перешли в почтовое ведомство

позднее. Все указанные лица (кроме Попова) так или иначе имели отношение к Ордену розенкрейцеров. Кроме того, А.И.Ковальков был одним из двух известных розенкрейцеровских «пророков», а П.Д.Маркелов - очень почитаемым в среде розенкрейцеров писателем. Дело в том, что, судя по всему, розенкрейцеры Особой канцелярии были освобождены Николаем I от подписки по поводу причастности к масонским ложам и тайным обществам.

Особая канцелярия никогда не привлекала внимания историков и не была предметом исследования. Создается впечатление, что это была секретная организация. По неизвестной причине дела Особой канцелярии отсутствуют в фонде Почтового департамента. При этом в соответствующих по времени описях постоянно фигурируют сотрудники канцелярии Попов, Ковальков, Маркелов, Прянишников. Они регулярно получали благодарности, награды, новые чины и должности. В день подписания манифеста о вступлении на престол 12 декабря 1825 года Николай I отдал приказ доставить ему сведения о чиновниках. В связи с этим статс-секретарь Н.Н.Муравьев направил в Почтовый департамент распоряжение о доставлении сведений обо всех, принадлежащих к ведомству А.Н.Голицына «канцеляриях, комитетах, комиссиях и других местах с показанием всех чинов, оных составляющих, и всех ими получаемых денежных окладах, как штатных, так и сверх штатных и прибавочных».¹⁷ 22 декабря директор особой канцелярии В.М.Попов рапортовал директору Почтового департамента Н.Д.Жулковскому о том, что предоставляет ему списки чиновников Почтового департамента, Опекунства израильских христиан и Особой канцелярии для пересылки Муравьеву.¹⁸ В деле находился список всех служащих С.-Петербургских почт, включая лекарей и дьячков почтовой церкви, но перечня чиновников Особой канцелярии и Опекунства израильских христиан там не было. От того же 22 декабря сохранилось письмо А.Н.Голицына Н.Н.Муравьеву, где сообщалось о предоставлении списков чиновников Почтового департамента, Особой канцелярии и Комитета опекунства израильских христиан. Но вновь списков двух последних учреждений в деле не было. Еще более загадочным выглядело то, что служащие Особой канцелярии не были включены в списки чиновников Почтового департамента, поданные А.Н.Голицыным после указа о взятии новой подписки о непринадлежности чиновников и всех неслужащих дворян к масонским ложам и тайным обществам.

Как видно из «Отчета по делам канцелярии» за 1829 год, до этого времени подробной росписи дел, находившихся в ведении этого учреждения, не было. Директор Особой канцелярии В.М.Попов указывал в отчете, что в 1824 году были «изложены только главные предметы занятий оной». По его словам, «надлежало ожидать, чтобы время указало точное распределение таких занятий во всех подробностях».¹⁹ В течение четырех лет канцелярия работала в таком режиме. В конце 1828 года «признано удобным приступить к систематическому распределению дел». Работы в этом направлении были начаты в 1829 году. В своем «Отчете» Попов сообщал новое устройство Особой канцелярии. Все дела были распределены на пять разделов: 1) дела внутренней части распорядительной; 2) дела внешние, по части распорядительной; 3) по части благотворительных обществ, богоугодных и воспитательных заведений и по части дел духовных; 4) дела миссий, переселений в Россию иностранцев для службы, торговли и сельского хозяйства, устройства участи иностранцев, приношений Государю, пособий разного рода и о книгах; 5) по части счетной. Даже из этого краткого описания

становится очевидным, что далеко не все эти разделы имели отношение к почтовой части. Подтверждение этому можно найти в подробном расписании дел, решенных в 1829 году по всем пяти разделам.

В первый и пятый разделы занятий особой канцелярии входили непосредственно дела Почтового департамента: о чиновниках (в основном, о производстве в чины и награждении) и счетная часть. Дела второго раздела уже выходили за рамки Почтового департамента. В 1829 году тут рассматривались дела об определении в службу, наградах, исключении из податного сословия, о помещении детей в учебные заведения, «касающиеся Императорского Дома», о лицах, в преступления ввавших, об арестантах. Всего в 1829 году рассматривалось 108 таких дел. Третий раздел был посвящен тем делам, которые входили в ведение А.Н.Голицына в его бытность министром духовных дел и народного просвещения (до весны 1824 года): о пожертвованиях Библейскому обществу (в 1829 году здесь рассматривалось дело о завещании барона Капенгаузена в пользу И.Е.Госснера, доложенное императору), о разных делах Российского библейского общества, об избрании членов Императорского человеколюбивого общества (ИЧО), о наградах по ИЧО, о пожалованиях за службу в ИЧО, дела ИЧО, по институту слепых, об устройстве глазной лечебницы, Общества благородных девиц, Екатерининского института, о принятии в богадельни, в сиротские дома, о вспоможении церквям и монастырям, об учреждении и устройстве церквей, о духовных лицах иностранных исповеданий, о браках, об определении к разжалованию духовных лиц, о помещении в монастыри по письмам духовных лиц, о передаче бумаг обер-прокурору Св.Синода (59 дел). Четвертый раздел: о переселении в Россию людей разного звания для образования колоний, просьба греков о пособии, о раздаче бедным сумм по завещанию императрицы Марии Федоровны, о подании книг государю (66 дел).

Обзор дел Особой канцелярии за 1829 год переворачивает имеющееся в научной литературе представление о положении А.Н.Голицына после его отставок в 1824 году. Очевидно, что Александр I не только разрешил Голицыну собрать в Особой канцелярии сотрудников-единомышленников, но и передал туда дела, которые до этого интересовали князя. После отставки Голицына 16 мая 1824 года с поста попечителя Императорского человеколюбивого общества и 17 мая с должности президента Российского библейского общества (его сменил митрополит Серафим) дела Обществ продолжали доходить до императора через князя.²⁰ Дела Обществ велись в Особой канцелярии Голицына. Кроме того, в ведении Голицына остался Комитет опекунства израильских христиан, его дела велись отдельно. К Голицыну продолжали поступать различные просьбы и ходатайства связанные с его прежними должностями. По ним в Особой канцелярии возбуждались соответствующие дела, их Голицын лично представлял императору. Поэтому у Особой канцелярии был особый статус, часто в документах ее именовали «Особой канцелярией при Голицыне».

Находясь на посту обер-прокурора, а затем министра духовных дел и народного просвещения, А.Н.Голицын очень много усилий положил на модернизацию Духовного ведомства. Было регламентировано прохождение и рассмотрение дел, расписаны обязанности обер-прокурора и министра, определены их отношения с клиром и императором. В прошлое ушли патриархальные отношения, когда Св.Синодом самовластно распоряжались обер-прокуроры и временщики. Выступление общественного движения русской православной оппозиции в 1824 году нанесло

серьезный удар по новой системе. Александр I, идя навстречу консерваторам, провел контрреформы. Опять дела Св.Синода доходили к императору через временщика А.А.Аракчеева, а А.Н.Голицын унаследовал часть бывшей власти обер-прокурора, лично докладывая важные для него дела Церкви Александру I. Думается, что оппозиционеры хотели совершенно другого.

Как издевательство над русской православной оппозицией (среди задач которой была и борьба с масонством) выглядят персоны, которым были поручены дела ведомств, возглавляемых митрополитом Серафимом. Это были те же люди, против которых еще с 1819 года выступали оппозиционеры: А.И.Голицын, В.М.Попов, позднее к Особой канцелярии был причислен и А.И.Тургенев. Внешне это выглядело так, как будто император доверял компетенциям этих чиновников. По тем же причинам в особую канцелярию мог перейти и помощник секретаря Библейского общества Ф.И.Прянишников. Кроме того, Голицын взял в Особую канцелярию двух писателей-мистиков, прошедших школу розенкрейцеров, - А.И.Ковалькова и П.Д.Маркелова. Подобные назначения Александр I сделал уже после того, как познакомился с посланиями архимандрита Фотия, разоблачавшими агента иллюминатов Р.А.Кошелева. Между тем, все чиновники Особой канцелярии принадлежали к кругу Кошелева. Думается, император был уверен в людях, обличенных его доверием.

Самым потрясающим является то, что Николай I не сузил компетенции Голицына даже после того, как области ведения Особой канцелярии были прописаны в инструкции. Легко заметить, что большая часть дел Голицына относились к традиционной масонской сфере – благотворительности.

Вызывает недоумение то, что чиновникам, состоявшим в масонских ложах, Николай I не только продолжал доверять, но и использовал их для решения некоторых специфических задач. Когда в 1827 году для исследования почтовой части Пруссии и Англии понадобилось направить двух чиновников, для этой миссии были выбраны масоны Ф.Я.Вейраух и Ф.И.Прянишников. Ничего в биографии этих чиновников вроде бы не свидетельствовало о том, что они справятся с поставленной задачей. Вейраух был уже очень пожилым человеком, а Прянишников всего несколько лет работал по почтовой части. Тем не менее, они выполнили свою задачу и были награждены.²¹ В своем «Дневнике» розенкрейцер В.С.Арсеньев 27 февраля 1858 года оставил запись о том, что другой розенкрейцер Д.И.Попов утверждал, что уже 30 лет нет сношений русских братьев с внутренним орденом (немецким центром).²² Названная дата совпадает со временем заграничной поездки Ф.Я.Вейрауха и Ф.И.Прянишникова. Впрочем, подтвердить подобную версию пока невозможно.

Масонские ложи никогда не были массовыми организациями. Поэтому неудивительно, что число чиновников почтового ведомства-масонов было не велико. В своем масонстве во время подписки 1826 года признались всего 27 человек (речь идет только о служащих чиновниках, по отставным сведений нет). При этом среди них были десять чиновников, в разное время занимавших посты начальников отделений в разных частях России: Рига, Курляндия, Нарва, Волынь, Паланга, Малороссия, Сибирь, Литва (три человека). Большая часть этих отделений находилась на западной границе и входили в подчинение Петербургского почтамта. При посредстве этих чиновников столичные масоны легко могли осуществлять связи со своими собратьями в Европе. С другой стороны,

вовлеченность в масонское движение чиновников западных губерний России могла объясняться и большей активностью масонов в Европе.

В указах Александра I и Николая I масонские ложи были поставлены в один ряд с тайными обществами. Несомненно, факт того, что масоны занимают ключевые посты во властных структурах, должен был беспокоить императоров. При этом и в 1822 и в 1826 году подписка о непричастности к масонским ложам и тайным обществам носила формальный характер. Полученные сведения практически не проверялись, и лиц, давших ложную или неполную информацию, к ответственности не привлекали (за исключением единичных случаев).

Очевидно, что повторить подписку о непринадлежности дворян к масонским ложам и тайным обществам Николая I побудило следствие над декабристами. Кроме того, в 1826 году свое влияние еще сохраняли консервативные деятели прошлого царствования: А.А.Аракчеев, А.С.Шишков, М.Л.Магницкий, митрополит Серафим, архимандрит Фотий. Император мог пойти на уступки этой партии так же, как при принятии «чугунного» цензурного устава, вскоре отмененного. При этом, проведя подписку о непринадлежности к масонским ложам и тайным обществам, Николай I не предпринял никаких мероприятий по полученным результатам. Даже масоны высоких степеней, скрывшие во время подписки подавляющую часть своей деятельности, в дальнейшем продолжали делать успешную служебную карьеру.

Александр I, специально знакомившийся с деятельностью масонских лож и, возможно, принятый в Орден, имел достаточно информации, чтобы не опасаться чиновников-масонов. Иное дело Николай I. Сведений о его связях с масонами пока не обнаружено. Чем руководствовался он, «закрыв глаза» не только на чиновников-масонов, но и на розенкрейцеров, собранных в Особой канцелярии А.Н.Голицына? Это притом, что в дальнейшем император не раз получал тревожные сигналы. В 1827-1828 годах были получены сведения о продолжении тайных собраний розенкрейцеров в Москве. Несмотря на то, что по приказу Николая I «на сии скопища обращено было самое бдительное внимание», никаких конкретных мер к розенкрейцерам применено не было.²³ В 1831 году М.Л.Магницкий и А.Д.Голицын отправили Николаю I послания, в которых обвиняли А.Н.Голицына в причастности к заговору иллюминатов.²⁴ Доносчики были высланы из столицы, а А.Н.Голицын продолжал пользоваться неограниченным доверием императора и даже воспитывал его детей.

Сегодня имеются точные сведения о собраниях розенкрейцеров в Москве, продолжавшихся до начала XX века, и о «мистическом» кружке А.Н.Голицына, куда входили розенкрейцеры. Однако их занятия носили нравственно-этический и религиозный, но никак не политический характер. Кто же смог убедить Николая I в том, что масоны для него безопасны? Неужели тут было достаточно поручительства А.Н.Голицына, неисправимого мистика, до конца жизни занимавшегося поиском пророков? Связи Николая I с масонами и розенкрейцерами могли быть более глубокими, чем принято считать. Их еще только предстоит исследовать.

¹ Рескрипт Николая I министру внутренних дел// ПСЗ. СПб., 1830. Собрание 2. Т. 1. № 277. С. 390-391.

² Серков А.И. История русского масонства XIX века. М., 2000. С. 257.

³ О масонских ложах и тайных обществах// РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 3-4.

-
- ⁴ Там же. Л. 9.
- ⁵ Там же. Л. 14.
- ⁶ Дубровин Н.Ф. Наши мистики-сектанты. СПб., 2009. С. 403.
- ⁷ О масонских ложах и тайных обществах// РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 19-20.
- ⁸ Серков А.И. Русское масонство 1731-2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 676.
- ⁹ Там же. С. 714.
- ¹⁰ Там же. С. 537.
- ¹¹ Там же. С. 458.
- ¹² Там же. С. 809.
- ¹³ Там же. С. 707.
- ¹⁴ Там же. С. 720.
- ¹⁵ О масонских ложах и тайных обществах// РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 24.
- ¹⁶ Там же. Л. 67.
- ¹⁷ О доставлении по Высочайшему повелению сведений о чиновниках// РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 346. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Л. 3.
- ¹⁹ Отчеты по делам и бумагам канцелярии за 1829 год// РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 455. Л. 4.
- ²⁰ Кондаков Ю.Е. Архимандрит Фотий (1792-1838) и его время». СПб., 2000. С. 197-198.
- ²¹ Об отправке двух чиновников в Лондон и Берлин// РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 382. Л. 145.
- ²² Арсеньев В.С. Воспоминания и дневник. СПб., 2005. С.327.
- ²³ Масоны в жандармских донесениях (коней 20-х - начало 30-х гг. XIX в.)// Российский архив. 2003. Вып. 12. С. 171-186.
- ²⁴ Шильдер Н.К. Два доноса Николаю I// Русская старина. 1899. Т. 97.